

Польский геральдист XVI в. о древних гербах русских земель^{1*}

Сведения о Русском государстве, его территории, правителях, древней истории русских земель, которые мы находим в трудах иностранных авторов XVI в., интересны еще и тем, что приводят реалии русской жизни, которые не отражены в русских источниках того времени. В частности, статус России как европейского государства европейские авторы пытались определить через государственную символику, которой в средние века придавалось большое значение, поскольку о таком статусе свидетельствовали форма короны и регалии правителя, цвета и эмблемы на регалиях и печати, и многое другое. В частности, иностранцев интересовал вопрос о происхождении русских гербов.

Герб свидетельствовал о происхождении и истории государства, его связях с другими странами, месте среди других государств Европы. Как видно из текстов различных записок о гербе, о его истории расспрашивали русских собеседников, рисунки гербов воспроизводились в печатных изданиях XVI–XVII вв.

Интересные сведения о происхождении гербов русских земель приведены в работе польского писателя и геральдиста XVI в. Бартоша Папроцкого «Огруд Крулевский»².

Бартош (Варфоломей) Папроцкий, польский шляхтич герба Гогол (ок. 1543–1614 гг.) происходил из небогатой семьи. Его карьера начиналась традиционно для польской шляхты XVI в.: начальное образование он получил во владениях отца, затем попал на двор влиятельного родственника, где расширял свой кругозор, познавал жизнь «великих мира сего». Со своим покровителем юный родственник ходил в походы, ездил

^{1*} Историческая география России: новые подходы: сб. ст., посвящ. 70-летию В. М. Кабузана / редкол.: Я. Е. Водарский (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т рос. ист. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 89–97.

² *Paprocki B.* Ogród królewski w którym krótko opisuje historye Cesarzów, Królów Polskich i Czeskich, arcyksiążąt Austrii, książąt Ruskich. Praha, 1599. В настоящей работе использован экземпляр, хранящийся в РГАДА, который переплетен вместе с хроникой М. Кромера.

в составе посольства, познавал основы политики и права. Бартош Папроцкий женился молодым на вдове Ядвиге Косабурской, которая была старше его, и вскоре покинул свой дом, вернувшись обратно в 1572 г. после смерти жены³.

Вскоре Папроцкий в составе посольства Андрея Тарановского уехал ко двору турецкого султана, куда А. Тарановский, неоднократно ездивший с посольствами в Порту, был послан вызволять из плена валашского воеводу Богдана.

Вскоре выходит первое генеалогическое произведение Папроцкого в стихах – «Паноша» (1575 г.). В дальнейшем, почти за 40 лет он опубликовал на латыни, польском и чешском языках больше трудов, чем остальные писатели его времени⁴.

Бартош Папроцкий был знаком с известными писателями-гуманистами своего времени – Миколаем Реем, Яном Кохановским и другими. Он находился под покровительством магнатского рода Збаровских, игравшего важную роль в политической жизни при короле Стефане Батории. Благодаря такому высокому покровительству, Папроцкий становится королевским дворянином и геральдистом; он воспекает победы Стефана Батория, в 1584 г. издает «Гербовник». Однако после смерти Стефана и падения роли Збаровских Бартош Папроцкий был вынужден уехать на Моравы, долго живет в Чехии, где увлекается алхимией и астрологией, не переставал издавать литературные труды⁵. Здесь в 1599 г. выходит его книга «Ogród królewski». В Польшу Папроцкий вернулся уже при Сигизмунде III в 1610 г.; он пишет до последних дней жизни. Умер Бартош Папроцкий во Львове, где и был похоронен.

Бартош Папроцкий хорошо известен в науке как польский геральдист, автор книги «Гербы польского рыцарства», которая и сейчас является официальным справочником гербов XVI в.

Среди иностранных гербовников, которыми пользовались в XVII в. сотрудники Палаты родословных дел, при проверке родословных легенд, упоминается и «Огруд крулевский» Бартоша Папроцкого. Очевидно в конце XVII в. эта работа была переведена на русский язык под названием «Вертоград королевский»; сохранилась рукопись перевода книги Папроцкого начала XVIII в.⁶

Книга «Огруд крулевский» – историко-генеалогическое исследование, близкое по форме к работам польских хронистов XVI в., но охватывающее историю меньшего региона и с более узкими хронологическими рамками, чем классические исторические труды XVI в.

³ *Krejčí K. Bartoloměj Paprocki z Hlogol. Praha, 1946. S. 27–34.*

⁴ *Krejčí K. Bartoloměj Paprocki z Hlogol. S. 35–37.*

⁵ *Ibid. S. 47–57.*

⁶ *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 80.*

В своей книге Папроцкий воссоздает историю правящих домов Европы, начиная с императоров Священной Римской империи, доведенную до правления императора Рудольфа (с 1576 г.); здесь кроме генеалого-геральдических сведений большое внимание уделено войнам с Турцией, которые вел император, в чем автор отдает дань животрепещущему вопросу внешней политики второй половины XVI в.

В этом труде разработана проблема о порядке и давности правления истинных королей. Свои теоретические размышления автор начинает с истории правления библейского царя Соломона. После библейской предыстории идет заголовок «Огруд крулевский», а далее помещены описания правлений французских и польских королей, великих князей литовских, чешских королей и князей, русских князей, очерк «О давности княжества Прусского», где описывается история Поморья, его освоение Орденом и географические особенности этой территории; очерк завершается биографиями епископов Ордена.

Как видно, «Огруд крулевский» ограничен регионом, близким к Польше, и посвящен преимущественно польским королям и соседним с ними славянским правителям; французские короли, скорее всего, появились, поскольку в XVI в. на польский престол был выбран Генрих Валуа. История польских королей самая большая по объему (30 л. из 130), в ней приведены сведения о происхождении поляков от Афета, сына Ноя, о Лехе, легенда о Ванде, переход правления к династии Пястов после смерти Пшемысла, и к великим князьям литовским после смерти последнего Пяста. История королей доведена до правления короля Сигизмунда III; при нем Б. Папроцкий вернулся в Польшу. Очерк содержит легенды из истории Польши, описания выдающихся событий, он богато проиллюстрирован условными портретами польских королей, картинами известных сражений, рисунками гербов.

Менее подробно дана история чешских королей, которых связывали с польскими брачные узы. Однако не исключено, что это описание связано с тем, что книга издавалась в Праге, где автор в то время жил в изгнании.

Небольшой по объему раздел «О древности русских князей» (Лл. 204об.–208об.) начинается с прихода на днепровские земли Кия, Щека и Хорива и основания Киева. В соответствии с польскими историческими трудами XVI в. русские князья, о которых пишет Папроцкий, – это преимущественно потомки Рюриковичей, чьи земли в XVI в. входили в состав Польши и Великого княжества Литовского, то есть потомки князей Галицких, Острожские (в этом очерке автор подробно рассказывает о доблести князя Константина Острожского), Чарторыйские, Сангушки, Вишневецкие. Далее идут краткие биографии некоторых князей Гедиминовичей и история Радзивиллов, одного из самых могущественных литовских магнатских родов, чьи владения находились на землях бывших русских князей.

В этом разделе о русских князьях также есть условные портреты и рисунки гербов; дана краткая история их происхождения.

По мнению автора, русские княжеские гербы – речь идет о предках княжеских семей, которые в XVI в. жили в Польско-Литовском государстве, – имеют древнее происхождение: они уже были у князей, «которые приняли греческую веру» и «начали подчиняться константинопольскому патриарху». Несомненно, здесь идет речь о киевских князьях и их ближайших потомках. Их герб – святой Георгий, убивающий дракона. Кроме того, галицкие князья «а именно Лев, который заложил Львов», имели своим гербом изображение: на золотом щите черный лев, опирающийся на скалу. А князья, «которые имели дома почти на море среди великих болот», в своем гербе помещали «голового человека на коне». И далее Папроцкий сообщает: «И теперь еще Москва или их князья употребляют некоторые из них» (гербов). Здесь уже автор четко говорит о гербах Русского государства XVI в., очерка о котором в его книге нет.

Рядом с этим текстом и далее, при рассказах о княжеских родах, помещены рисунки гербов: св. Георгий, убивающий дракона; обнаженный человек на коне; лев, стоящий на задних лапах, а также герб Погоня и щит с подковой и тремя крестами, близкий к польскому гербу Белина.

Таким образом, автор полагает, что древнейшим гербом московских великих князей, перешедшим к ним от киевских великих князей, был герб с изображением св. Георгия, убивающего дракона. Признание такой преемственности гербов в какой-то мере можно оценить и как признание определенных исторических прав московских князей на земли, входившие в XVI в. в состав Польши и Литвы. Напомним, что спор за такие территории на протяжении долгого времени выливался в военные действия.

Имеет объяснение и фраза Папроцкого о том, что в его время упомянутые гербы употребляла Москва или их князья. Скорее здесь речь идет не только об официальном гербе со св. Георгием: с 80-х гг. XVI в. известна печать князя Андрея Курбского, которую он употреблял, перейдя на службу польскому королю; на ней изображен лев, стоящий на задних лапах.

Опубликованное недавно исследование И. Грали, где автор изучает печати, употреблявшиеся русскими людьми, переехавшими с XVI в. на службу в Польшу и Литву, позволяет расширить круг печатей в связи с утверждением Папроцкого о том, что некоторые русские князья «употребляют древние гербы».

В своем исследовании И. Граля среди других приводит и печать, которую в Польше XVI в. употреблял князь Иван Дмитриевич Шуйский, называемую в сфрагистике «Русская Погоня»; на ней фактически помещено изображение св. Георгия, убивающего дракона, но повернутое

вправо, а не влево, как на русском гербе⁷. Н. А. Соболева указала, что еще в XV в. князь Иван Васильевич Шуйский прикладывал к грамотам свою печать с изображением стоящего льва с головой, повернутой вправо⁸. Если изображение льва на печати князя Шуйского ассоциируется с эмблемой Владимирского княжества (Шуйские вели свой род от владими́ро-суздальских князей), то св. Георгий на их польской печати служит подтверждением словам Папроцкого об употреблении русскими князьями древних печатей киевских князей (в Польше лев стал эмблемой галицких князей). Естественно, что русские князья, недавно появившиеся в Польше и Литве, претендовали на государственную русскую символику, подчеркивая тем самым свое происхождение от киевских Рюриковичей.

Следует отметить еще одну русскую печать, принадлежавшую князю Ивану Ивановичу Шуйскому, приложенную уже к грамоте 1633 г. Ю. М. Эскин, опубликовавший этот интереснейший материал, полагал, что из приложенных на грамоте 1633 г. печатей, Шуйскому принадлежит частично утраченная, с изображением грифона⁹. Однако, такая печать скорее могла принадлежать Ивану Никитичу Романову, также приложившему свою печать к грамоте: изображение грифона входило в родовую печать этой семьи. Указанная Эскиным печать Романова: «небольшой щиток с неким западно-европейским гербом», не может быть идентифицирована, как полагает автор, с печатью на изумруде, перешедшую по наследству от И. Н. Романова к царю Алексею Михайловичу. В описи имущества царя она определена как «изумруд четверуголен, на нем вырезано: персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змей»¹⁰. Как видно, здесь изображена вариация св. Георгия, убивающего змия.

Наиболее интересно у Папроцкого упоминание о печати с изображением нагого человека на коне, которую имели государи, жившие «почти на море среди великих болот». Русские печати не знают такого изображения, его, как герб московских князей, трижды привел в своем сочинении Сигизмунд Герберштейн.

Еще в XVI в. новгородский архидьякон Геннадий объяснял александрийскому патриарху, что на печати Ивана IV изображен всадник на коне, и это «государь на коне». В XVII в. изображение св. Георгия на печати неоднократно интерпретировалось русскими послами как «великий госу-

---

⁷ *Grala H.* «Ex Moschovia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich w państwie polsko-litewskim w XVI–XVII w. // *Rocznik polskiego towarzystwa heraldycznego*. Warszawa, 1999. T. IV (XV). S. 111–114.

⁸ *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 172.

⁹ *Эскин Ю.* Шестнадцать боярских печатей // *Родина*. 1997. № 10. С. 48.

¹⁰ *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 84. Естественно, что на личной печати царя была изображена государственная символика. Эту традицию, возможно, ввел еще Михаил Федорович: среди его имущества был перстень: «королек белой обложен золотом. Печать в нем врезана: золотой орел двоголавый». Подробнее: *Бычкова М. Е.* Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV–XVII вв. // *Гербоведъ*. М., 1999. № 38. С. 42–43.

дарь на аргамаке», «царь на коне победил змия». В подобных высказываниях царь идентифицируется со св. Георгием. Как показал А. Б. Лакнер, на листе Библии 1663 г., изданной в Москве, на изображении московского герба помещено именно изображение царя на коне, пронзающего копьём змия¹¹. Такое же изображение Ивана IV есть в рукописях Казанской истории, написанных в XVII в. В связи с этим следует вспомнить об одной традиции конца XIV в. К этому времени в европейских странах на монетах и печатях существовал обычай изображать государя в воинском обмундировании, в виде рыцаря на коне, что подчеркивало функции правителя как воина и вождя¹². Византийские изображения императоров не знали такого типа: на монетах и печатях подчеркивалась лишь сакральность власти императоров. Но в конце XIV в. на византийских монетах появляются конные изображения императоров и часто их сопровождают святые всадники (Дмитрий, Георгий, Архангел Михаил), которые подчеркивали сакральность воинских функций государя¹³. Не исключено, хотя и нуждается в дополнительном специальном исследовании, что в русском изображении всадника на коне, поражающего копьём змия, в XVII в. также слилось представление о святом воине и государе-вожде.

Вооруженный всадник на коне в различном облике – сюжет, встречающийся на печатях и монетах русских князей конца XIV–XV вв. пока к XVI в. не сформировался окончательно в виде св. Георгия, побеждающего змия¹⁴.

Причины появления у Сигизмунда Герберштейна представления о том, что на государственной печати государь изображался как голый человек, требуют специального сфрагистического исследования. Это представление не находит аналогии в русской сфрагистике, оно и не отразилось в европейских справочниках XVI в., содержащих описания государственных гербов и печатей разных стран: здесь гербом московских государей назван св. Георгий, поражающий змия. По существовавшему в XVI в. традициям русской жизни невозможно представить государя в виде голого человека: русский царь всегда изображался на иконах и миниатюрах, а также выступал на официальных церемониях в полном маестате, при всех регалиях.

Изображение государя как голого всадника на официальных печатях не соответствует и нормам европейской геральдики, где правитель олицетворяет сакральность власти или различные ее функции, в том числе и функции воина-вождя. Основной его одеждой на средневековых печатях было воинское обмундирование, которое подчеркивало функции воина и вождя. Позднее эта одежда постепенно приобретает симво-

¹¹ Лакнер А. Б. Русская геральдика. С. 84.

¹² Kiersnowski R. Moneta w kulturze wieków średnich. Warszawa, 1988. S. 181–182.

¹³ Ibid. S. 183.

¹⁴ Соболева Н. А. Русская геральдика. С. 205–206.

личные и демонстрационные черты: появляются парадные панцири и шлемы вместо воинских¹⁵. Императоры, правившие в XI в. – Константин IX Мономах и Исаак I Комнин, иногда изображались на монетах в короне, панцире и короткой тунике с мечом на боку.

Именно в такой одежде, но без меча, а с крестом в правой руке изображен великий князь Василий Дмитриевич, чей портрет вышит на саккосе митрополита Фотия. А в конце XV в. уже русский летописец написал об отце Василия – Дмитрие Донском: «на престоле царь-стем седе, царскую багряницу и венец нося..., а крест Христов на ramo ношаше»¹⁶. Описание одежды Дмитрия Донского в летописи полностью совпадает с той, что изображена на портрете его сына и близка к императорской на византийских монетах XI в. Можно полагать, что уже с XV в. постепенно русским князьям приписывалась символика, близкая к той, которая отражала власть византийских императоров.

Папроцкий, очевидно, заимствовавший изображение голого всадника на коне у Герберштейна (ближе всего – изображение на портрете Василия III в издании 1556 г.) или польского хрониста Стрыйковского, и отнесший его ко временам киевско-константинопольских отношений, не указал, в отличие от других русских гербов, каким именно русским князьям оно принадлежало: это «те (князья), которые (правили) почти на море среди великих болот», то есть каким-то северным народам.

Польские хронисты XVI в. вслед за Матвеем Меховским писали о северных землях, примыкавших к Московии, как о болотистых, заселенных язычниками, дикими народами. Профессиональный геральдист, каким был Б. Папроцкий, хорошо знакомый с нормами европейской геральдики, очевидно знавший труд Герберштейна не смог связать герб, изображавший нагого человека с христианским государем и связал его с язычниками, жившими в его стране.

Среди работ других польских авторов XVI в. труд Б. Папроцкого интересен тем, что в нем приведено и профессионально проанализировано наибольшее число русских геральдических предметов; отсутствие анализа государственного символа того времени – двуглавого орла, который был хорошо известен в Европе, можно объяснить тем, что Папроцкого прежде всего интересовала геральдика, относящаяся к землям, входившим в состав Польши и Литвы. Однако важно то, что к киевскому периоду автор относит и появление гербов Москвы и Русского государства – св. Георгия, убивающего змия, тем самым признавая права московских государей наравне с великими князьями литовскими на киевское наследие.

¹⁵ *Kiershowski R. Moneta w kulturze wieków średnich. S. 181.*

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. М., 1946. С. 215: *Kiershowski R. Moneta w kulturze wieków średnich. S. 182.*